

П. ДЫБЕНКО,
председатель Центробалта

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Дождливые осенние дни, тревога в душе — не отложить ли еще — усиливали нетерпение. Все с напряжением ждали сигнала: когда же? Дни казались годами. Хотелось как можно скорее ринуться в бой, пока не поздно, пока не только не наступили холода в воздухе, но и отчаяние в душе. На кораблях жизнь как бы замерла. Все ждали рокового призыва, рокового часа. Только на вечно бурном «Петропавловске» команда в злобе рвет и мечет: «Петропавловск» при выходе с Гельсингфорского рейда сел на мель... Третьи сутки команда работает день и ночь, разгружая корабль. Неустанно работают водолазы. На берегу больше не видно матросов с надписью на ленточке — «Петропавловск». Они, эти вечные бунтари, в страхе и трепете, боятся теперь не быть участниками этого великого переворота, не быть участниками боя с ненавистной им буржуазией и изрядно надоевшим Временным правительством. К исходу третьих суток заработали машины. Все с замиранием сердца ждали, когда стоящие на лоте прокричат: «Медленно идет вперед!». Вздымяя пену моря, смешав воду вместе с грязью, работали неустанно лопасти винтов. Взоры всех впились в морскую пучину. С каждой минутой всё сильнее и сильнее вздымалась под винтом волна холодного моря. С застывшим дыханием все ждали. Накренившийся корабль, казалось, противится, испытывая последнее напряжение нервов моряков.

Стоящие у раскаленных топок кочегары неустанно пополняют топки и нагоняют пар в котлах.

С мостика раздалась команда: «Полный ход!». Как бы со дна морского, с грохотом и стоном срывался могучий великан. Дрожа всем корпусом, «Петропавловск» вдали себя оставил с грязью смешанные, разливавшиеся по морю круги. Команда в неописуемом восторге воскликнула: «Вперед на Петроград!».

Но — увы! — сигнала и приказа еще нет. С кораблей всё настойчивее и настойчивее требуют: что же медлите? Скоро ли? Когда? Ответ один: ждем приказа. Получим, — не замедлим и на сей раз не вернемся в Гельсингфорс без Советской власти.

Откладывать немыслимо. Если все откажутся, флот выступит один. Так он решил бесповоротно на своем съезде.

Вернувшись с Северного областного съезда, подробно доложил командам кораблей о принятом решении. Ждем. Задача всем дана. Пароль и сигналы установлены. Наш сигнал о выступлении — телеграмма на мое имя из Петрограда за подписью Антонова-Овсеенко — «выслать устав».

Это значит — выслать в Петроград миноносцы и десант в пять тысяч человек. В секрете держу пароль. Планомерно, без излишней суеты ведем подготовку. Времени осталось немного. Через несколько дней — съезд Советов. День открытия его — роковой момент. Постепенно, один за другим, в Петроград направляем для ремонта поврежденные в последних боях корабли. Наивный Вердеревский, уже не говоря о Керенском, не совсем понимал, почему вопреки его воле посыпаются корабли в Петроград. Тревога за «Аврору»... Крейсер «Аврора» спешно заканчивал ремонт и предназначался к отправке в Гельсингфорс на присоединение к своей бригаде. Необходимо его как можно дольше задержать в Петрограде. Передаю от имени Центробалта председателю судового комитета «Авроры»: «Не выполнять распоряжения Центрофлота в случае, если последует приказ о выходе «Авроры» на рейд, приказ без санкции Центробалта не выполнять; распоряжения Центробалта будут адресованы на ваше имя». Установили условные переговоры. Один только флотский гвардейский экипаж в Петрограде да оборончески настроенный Центрофлот еще дышат керен-

шиной. Направляем и туда наших преданных и стойких товарищей.

За два дня перед открытием съезда еще раз провели: все ли на местах. Где, может, задержка? Всё как будто в порядке. Несколько тревожил вопрос своевременного окончания ремонта миноносцев, предназначенных для похода в Петроград. Чтобы не ослабить защиты подступов с моря, боеспособные корабли должны остаться на своих местах. Они должны еще более зорко следить за внешним врагом.

Наступали последние дни. Все ждали развязки.

В ночь на 22 октября телеграмма с «Авроры»: «Приказано выйти в море на пробу и после пробы следовать в Гельсингфорс. Как быть?». Центробалт отвечает: «Авроре» произвести пробу 25 октября».

Несмотря на угрозы и посылку к ней броневиков с юнкерами, «Аврора», получив в подтверждение распоряжения Центробалта приказ Петроградского революционного комитета, категорически отказалась выполнить приказ Временного правительства. Верный часовой остался на своем посту.

17 октября. На повестке заседания Центробалта п. 3 — об образовании постоянных боевых взводов (доклад Дыбенко) и п. 6 — об аресте комиссара Временного правительства Франкфурта.

После доклада о необходимости организации боевых взводов и сводного батальона с непосредственным подчинением Центробалту принимается единогласно следующее постановление:

«Центральный Комитет Балтийского флота поручает судовым комитетам линейных кораблей и крейсеров, а также береговых частей, имеющих команды более 200 человек, срочно организовать постоянные боевые взводы, которые по первому требованию поступают в распоряжение Центробалта. О сформировании взводов срочно сообщить Центробалту, указав взводных командиров. Техническая сторона — постановка и сформирование таковых — поручается военному отделу Центробалта.

Примечание. О тех кораблях и частях, где не имеется вооружения, срочно сообщить Центробалту».

Об аресте Франкфурта принято постановление: «Как представителя Временного правительства, ведущего разлагающую и провокационную во флоте агитацию, арестовать».

На этом же заседании Центробалта, вопреки приказу правительства, было принято постановление об образовании комиссии по расследованию сдачи Церельских позиций, следующего содержания:

«Заслушав доклад представителя Центрофлота и Центробалта о назначении следственной комиссии для производства расследования над оперативными действиями Рижского архипелага и принимая во внимание, что, с одной стороны, комфлот и Временное правительство поручают вести следствие только в отношении команды Церельских позиций, с другой — Центробалт усматривает в сдаче Церельских позиций и всего Рижского архипелага явное попустительство как в отношении укрепления самих позиций и подступов к ним, так и несвоевременного ухода с позиций высшего командного состава, каковое явление способствовало отступлению находившегося там гарнизона, съезд постановляет: образовать следственную комиссию в составе одного представителя от Центрофлота, одного — от комфлота, одного — от команды Рижского архипелага и одного — от Революционного комитета Северной области, какой комиссиидается право кооптации по ее усмотрению». (Протокол № 100 от 19 октября; протокол Центробалта за № 102 под председательством Дыбенко.)

Затем состоялись дополнительные выборы делегатов на Всероссийский съезд Советов и выработан был наказ делегатам, едущим на съезд.

Избранными оказались: Мальков и Сутырин (большевики), Рямо (сочувствующий большевикам), Дыбенко (большевик).

Принят следующий наказ делегатам:

«Центральный Комитет Балтийского флота отправляет на Всероссийский съезд Советов своих делегатов и представителей флота, выражаяющих чаяния, дело и волю всего Балтийского флота. Как это было засвидетельствовано представителями 2-го Балтийского съезда в дни

мировой бойни, в дни борьбы за свободу и революцию, дни борьбы пролетариата, съезд обратился с воззванием к угнетенным всех стран, призывая поднять знамя восстания. Так и теперь представители Центрального Комитета Балтийского флота, представители измученных мировой войной товарищей моряков, находящихся на стальных коробках, на островах и в других местах, полуголодных, разутых и раздетых, шлют своих товарищей сказать не слова, а совершив величайшее дело — освобождение труда от капитала. Вместе со своими товарищами черноморцами, видя, что кормило правления революционной страны падает всё ниже и ниже, видя, что правительство предателя и кровожадного хищника Керенского ведет страну к гибели, видя приближающийся крах революции и свободы, Балтийский флот, глубоко страдая от оскорблений желтой прессы, от клеветы, извергаемой реакционерами с Милковым во главе, требует от сознательного пролетариата поддержки для уничтожения этой прессы и превращения ее в лучи пропаганды за социализм. Получая за свой тяжелый труд валюту «Керенского», которая бойкотируется даже всеми спекулянтами, с тоской в душе видим, как с помощью обнаглевшего коалиционного министерства переодетые в камильавки отставные реакционные генералы получают по пять миллионов золотом на продолжение «поместного сбора», который ставит своей главной задачей, как и всегда, уничтожение и затемнение народного сознания и устройство пагубных пут для крестьян, толкая их в пропасть монархизма.

Принимая все меры для достижения полного единения между офицерами и матросами, с горечью для себя видим, как министр — председатель Керенский в минуты неравного боя балтийских кораблей с титанами Вильгельма издает позорные приказы на всю Россию и тем самым вносит раздор и дезорганизацию в среду дружных рядов Балтийского флота.

Мы требуем немедленного уничтожения продажного правительства коалиции, которое, эвакуируя Балтийское побережье и Петроград, имеет главной задачей продать балтийские корабли и вместе с тем ликвидировать революцию.

Мы поручаем вам, представители Балтики, совместно с представителями Черного моря и представителями трудового пролетариата, собравшимися на настоящем

съезде, взять власть и передать ее в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Помните, товарищи, мы — ваша поддержка. Весь мир видел защиту революции от толкаемого германскими империалистами пролетариата. Эта защита будет в десять раз ожесточеннее в борьбе с угнетателями трудового народа. За вами — наша сила, наша помощь и наше оружие.

Да здравствует власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!»

20 и 21 октября. Проверяются боевые взводы и назначенный командный состав. Подвозится необходимый запас продовольствия и вооружения для подготовляемых к отправке в Петроград отрядов. Идет усиленный ремонт предназначенных к походу миноносцев. В срочном порядке ремонтируется снятый с мели «Петропавловск».

23 октября. С утра ведутся переговоры с левыми эсерами о совместном вооруженном выступлении. Прошлян и Устинов дают уклончивые ответы. Они не уверены в успехе и предлагают вести переговоры с меньшевиками. С ними соглашается председатель Гельсингфорского Совета Шейнман (большевик).

Колебания Шейнмана не обещали создания в городе твердой власти в момент самого переворота. К вечеру созывается общее собрание Совета, судовых и полковых комитетов. Собрание одушевлено одним желанием — немедленного свержения коалиционного правительства. Меньшевики и правые эсеры пытаются на собрании протестовать, вносят свои предложения, предстерагают от «анархии» и «погромов». Выступают матросы, которые с негодованием заявляют, что это — старая песня провокации гробовщиков революции. Левые эсеры, уверяющие, что за ними — «половина» флота и стоящей в Финляндии армии, предлагают компромиссные решения. Резко против всяких компромиссов выступаем Смилга и я. К концу заседания оглашается резолюция Центробалта; в ней говорится, что никаких отступлений от решения съезда Балтийского флота, никаких компромиссов флот не признает. Если даже собрание вынесет обратное решение, фракция большевиков Совета и Центробалт берут на себя ответственность за выступление.

Члены Центробалта — левые эсеры — единогласно голосуют за резолюцию Центробалта. Резолюция проходит.

На этом же заседании для руководства и координации действий избирается тройка в составе Смилги и Дыбенко (большевики) и Шишко (левый эсер). Тройка снабжается неограниченными полномочиями. Ведем переговоры с финскими коммунистами о перевороте в Финляндии и захвате ими власти. Финские товарищи колеблются. Заявляем: «Если вы откажетесь нас поддержать, мы сами совершим переворот, — тогда вы вынуждены будете взять власть в свои руки после совершившегося факта».

После долгих переговоров финны соглашаются.

В ночь на 24 октября арестовываем остатки представителей коалиционного правительства. Перед арестом Набокова перехватываем его разговор по прямому проводу с князем Львовым, в котором князь Львов сообщает, что в Петрограде начинается анархия. Большевики готовят вооруженное свержение правительства. С фронта вызваны войска. Керенского решено отправить в Японию, в целях ввода японских войск для подавления восстания.

Этот разговор был немедленно передан в Петроград Революционному комитету. Связь с Петроградом целиком перешла в наши руки. В Гельсингфорсе царило полное спокойствие и тишина. Сопротивляться было некому, за исключением анархистов, которые пытались захватить здание матросского клуба, но вызванными с «Республики» патрулями были частью арестованы; остальные успели убраться. Город охранялся усиленными патрулями матросов и солдат.

24 октября. С самого утра в городе спокойно. Получены сведения о нападении белой гвардии финнов на поезда при их движении в Гельсингфорс. Для ликвидации белогвардейцев срочно высыпается отряд под командой Измайлова. К 12 часам из Петрограда получены одна за другую телеграммы о готовящемся выступлении. Телеграммы Революционного комитета передаются Северо-западному фронту. Связь с последним установлена. Обо всем информируем друг друга. В Центробалте для руководства избрана тройка в составе: Дыбенко, Аверочкина и Измайлова. На всех кораблях, во всех командах и пехотных частях отдано распоряжение держать наготове

дежурные боевые роты; кроме боевых рот, приказано на кораблях держать еще по одной роте в полной боевой готовности. Погрузка огнеприпасов и продовольствия, подвоз их к товарной станции заканчиваются. Эшелоны для погрузки отрядов приказано составить к 18 часам. Идет усиленная спешка с ремонтом миноносцев; ремонт должен закончиться к утру 25-го.

В 16 часов созывается пленарное заседание Центробалта и судовых комитетов, где еще раз все корабли заявили о своей полной готовности и требовали немедленной посылки достаточных сил в Петроград. К 20 часов получена телеграмма из Петрограда:

«Центрбалт. Дыбенко. Высыпай устав. Антонов-Овсеенко».

Флоту отдается приказание: боевым ротам прибыть на вокзал к 24 часам. На вокзале установлена наша комендатура. С утра 24 октября установлена наша комендатура на всех станциях до Петрограда. Порядок погрузки и следования эшелонов передан коменданту и старшим эшелонов.

Происходит задержка с ремонтом миноносцев. Вызываю командующего флотом адмирала Развозова и флагманского инженер-механика Винтера в Центробалт. Обращаюсь к Развозову:

— Будут ли готовы миноносцы к утру?

Отвечает инженер-механик Винтер:

— Никак нет. Они могут быть готовы только через двое суток.

Что это? Неисполнение приказания?

Адмиралу Развозову и Винтеру странным казалось, что они теперь получают приказания от Центробалта. В их уме никак не укладывалось, как это заживо погребли Временное правительство и о нем теперь даже нет помина. Но ни один из них не посмел заявить, что они не подчиняются приказам Центробалта. Адмирал Развозов сам был очевидцем во время сражения под Эзелем и Даго, когда за неисполнение приказания Центробалта виновные тут же были преданы суду, и теперь за неисполнение приказа им также грозила бы расправа на месте.

Вызываю механиков и старших машинистов с миноносцами. Один за другим являются в Центробалт. На вопрос, будут ли готовы миноносцы к утру, отвечают:

— Ровно в 8 часов утра миноносцы покинут Гельсингфорсский рейд.

Матросы на миноносцах уже не спят третью сутки. Они сами совместно с финскими рабочими работают день и ночь. Они полны желания как можно скорее закончить возложенное на них величайшее историческое поручение. И они с честью выполнили боевой революционный приказ.

После ухода машинистов флаг-механик Винтер и адмирал Развозов, качая головами, повторяли:

— Невероятно. Это не может быть выполнено. Миноносцы не могут быть готовы к утру.

— Вы, — говорю, — можете не верить в то, что миноносцы будут готовы, но вы отвечаете за командиров.

— Так точно.

Уходят.

23 часа, 24 октября. Из Петрограда вызывает тов. Баранов Алексей. Подхожу к аппарату.

Баранов:

— Настроение тревожное. Можем ли надеяться на своеевременную поддержку? Центрофлот в наших руках... Правительство растерялось. С минуты на минуту может начаться выступление. Не опоздаете ли прийти на помощь?

— На рассвете выйдут миноносцы. Отправляю отряды.

— Передам Военно-революционному комитету.

25 октября, 2 часа ночи. Гельсингфорс, окутанный ночным мраком, спит непробудным сном. Серые облака, обгоняя друг друга, казалось, спешат закрыть кое-где мерцающие звезды, покрыть небо непроглядной пеленой, создать непроницаемую темень глубокой осенней ночи. Пусть спят непробудным сном те, кто сегодня при закате солнца не замечал восходящую над многострадальным русским обездоленным людом зарю новой жизни — proletарской революции.

В России созван новый съезд Советов, который, может быть, сегодня, пока многие беспечно дремлют в эту темную ночь, подобно грозной туче, разошлет молниеносные вести: Временное правительство свергнуто. Вся власть перешла в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Предложен мир воюющим народам. Вся земля переходит в руки крестьян, а фабрики и

заводы — рабочим. Нет больше владыки-капитала, нет эксплуататоров и грабителей. Рабочий и крестьянин отныне — владыка необъятной новой, революционной России. Зажглась новая заря, пролился новый свет — свет, озаряющий путь к социализму. Проснувшись завтра рано утром, с первыми лучами восходящего солнца, вы уже не застанете тех, кто еще вчера требовал от вас неисчислимых жертв в угоду ваших поработителей, кто еще вчера называл вас бунтующей чернью, кто называл вас предателями, трусами и изменниками «родины» и кто сегодня, раздавленный и уничтоженный, будет лежать у ног победившего своей мозолистой рукой владельца труда — рабочего класса. Хочется крикнуть: вставайте, проснитесь, — новая восходящая звезда озарила весь мир. Нет рабов и угнетенных, владык и господ. Владыкой мира стал труд.

Тихо, бесшумно, без сирен, подходят к пристани один за другим катера и буксиры. Бесшумно, в гробовой тишине высаживаются боевые роты. Как бы по безмолвной команде выстраиваются и мерными, но твердыми, уверенными шагами, твердой поступью идут к вокзалу. На перроне нет праздной, фланирующей публики в разноцветных костюмах. В гробовой тишине проходят роты в черных и серых шинелях. Вагоны переполнены. Мерный стук колес паровоза — и один за другим отходят эшелоны. Оркестры играют «Марсельезу». С отходящих эшелонов, как бы в ответ спящему городу, несется громовое, радостное, долго не смолкающее «ура». В 8 часов отходит последний эшелон. Где-то вдали замолк стук колес паровоза, смолкло радостное «ура». Но мы еще долго стоим на перроне. Хочется нагнать эшелоны и вместе с ними ринуться в бой.

Некогда. Спешим в Центробалт. Там, в тихом серебристом заливе, нагнав пары, ждут сигнала на штурм капитала те, кто вчера так доблестно защищал подступы к революционному Петрограду, кто приходил с позиций весь израненный и кто сегодня, наскоро залечив свои раны, ринется в новый, кровавый, но последний и решительный бой.

Медленно, выравниваясь в кильватерную колонну, один за другим мимо «Полярной Звезды» Центробалта проходят миноносцы. Их стеньги украшены красными стягами с надписью: «Вся власть Советам». Команда на миноносцах и остающихся кораблях стоит во

фронт. Оркестры и громовые раскаты «ура» провожают уходящих в Петроград на борьбу. Брунс-парк, заливший утренним солнцем, заполнен народом. Тысячи ликующих взоров рабочих и недоумевающие взгляды обывателей провожают уходящих. Минноносцы, миновав Гельсингфорсские ворота, прибавили хода, оставляя позади разрез пенистых волн тихого моря. Кажется, с быстрой молнией промчались они вперед. Их не останавливают теперь подводные лодки и не преградят путь к Петрограду. Они спешат, стараются не опоздать. Долго еще оставались неподвижными на бортах корабля моряки, провожавшие уходивших в Петроград. На их немного омраченных лицах вопрос: «А мы? Так и не будем участвовать в петроградском перевороте?» С «Республики» и «Петропавловска» беспрерывно звонят по телефону и спрашивают:

— А мы разве не пойдем в Петроград?

У нас всё готово. Мы ждем приказания.

Стараюсь успокоить:

— Вы — резерв. Потребуетесь, и вас пошлем. Пока будьте на страже.

На борту «Полярной Звезды» стоит командующий флотом адмирал Развозов и флаг-механик Винтер. Обращаюсь к ним:

— Ну, что? Теперь поверите?

— Да, это чудо. Совершается невозможное. При таком рвении и силе желания за вами обеспечен успех. В таких условиях приятно и служить.

В 14 часов 25 октября получена следующая телеграмма — приказ действующим армиям:

«Солдаты фронта! Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов взял власть в свои руки и немедленно же предложил перемирие всем воюющим народам и передал землю крестьянам. В ответ на это Керенский, заклятый враг народа, двинул корниловские части войск, казаков и артиллерию против революционного Петрограда. Сейчас контрреволюционные отряды находятся по линии Гатчина и Царское Село. Гарнизон и рабочие столицы напрягли все силы для того, чтобы отразить и беспощадно раздавить контрреволюционных заговорщиков. Борьба идет из-за того — быть ли войне или миру, быть земле помещичьей или крестьянской,

владычествовать богачам и генералам или беднякам и солдатам. Борьба будет беспощадная. Солдаты и рабочие знают закон — погибнуть или победить. Именем революции и новой народной власти мы повелеваем вам, солдаты фронта, поддержать ваших братьев в Петрограде. Не нарушая фронта, двинуть немедленно на помощь столице верные и стойкие полки при артиллерии, дабы они ударили в тыл врагу. Зорко следите за тем, чтобы контрреволюционеры не получили больше с фронта ни одного солдата, пытайтесь задерживать силой, разоружать. Если вам попытаются помешать, сметите все препятствия. На 5-ю и 12-ю армии, как ближайшие, ложитесь долг в первую очередь подойти на помощь Петрограду, народу и революции.

Именем Всероссийского съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов — Военно-Революционный Комитет».

Телеграмма немедленно была передана на все корабли и во все базы флота, а также 5-й и 12-й армиям.

В 16 часов была получена вторая телеграмма следующего содержания: «Всем. Генеральный штаб сдался, и вся власть принадлежит Совету Рабочих и Солдатских Депутатов».

В 20 часов у аппарата тов. Барапов Алексей:

— Правительство Керенского свергнуто. Петропавловская крепость в наших руках. Зимний занят. «Аврора» ведет себя геройски. До сих пор из Гельсингфорса нет поддержки. Ленин избран главой правительства. Состав военной коллегии: Антонов-Овсеенко, Крыленко и ты. Ты должен немедленно выехать в Петроград.

— Товарищ Барапов, — отвечаю, — всё это великолепно, но выехать не могу. Считаю совершенно неправильным в данный момент отрывать меня от флота. В Петрограде вас много. Когда будете уверены в успехе и больше от флота не потребуется поддержки, тогда я выеду. Поддержка вам выслана и с минуты на минуту должна прибыть.

На следующий день тов. Барапов вызывает к аппарату и передает распоряжение Антонова-Овсеенко о высылке еще подкрепления и артиллерии и снова требует меня в Петроград.

Около 23 часов 26-го снова вызывают к прямому проводу из Петрограда. Подхожу к аппарату. У аппарата тов. Ховрина:

— В Петрограде, помимо съезда, образовался «Комитет спасения родины и революции», в состав которого вошло большинство оборонцев, представителей городской управы, меньшевики и эсеры, ушедшие со съезда, и представители Центрофлота, за исключением меньшинства его членов. Я говорил с Крыленко частным образом, — есть идея распустить его, организовав из членов съезда временный морской революционный комитет, который завтра собирается. Арестованный Вердеревский находится в Петропавловской крепости; кроме того, имел разговор с Крыленко в Революционном комитете, который высказался, что есть намерение привлечь Вердеревского в министерство. Конструкция власти будет коллегиальная. В состав морской коллегии намечены кандидаты: Антонов-Овсеенко, Дыбенко и Крыленко. Ответь на эти вопросы.

Дыбенко. Вошли в «Комитет спасения» представители от Балтики? По флоту объявлено постановление — исполнять приказания только Центробалта, в оперативных делах — комфлота. Почему у аппарата стоят типы кадетского направления, в виде Клименко, который не дает совершенно никаких сведений. Если у вас мало людей, верных революции, то мы пришлем от Балтики. Сообщи полностью, какие перемены. Пришли ли нами посланные миноносцы и эшелоны, отправленные из Гельсингфорса? Для них послана провизия, 600 пудов. Наведи справку, — если нужна провизия, пришлем еще. Миноносцы и эшелоны отправлены в распоряжение Петроградского революционного комитета. Команду Балтики, охраняющую Центрофлот, убрать.

Ховрин. Часть членов Балтики вошла в «Комитет спасения». Я назначен комиссаром в морское министерство. Карабул подчиняется только мне. С завтрашнего дня мы назначаем своих комиссаров. Посыпать что-либо обождите, за исключением провианта. Все части войск, посланные вами, находятся в распоряжении Революционного комитета, в том числе и миноносцы. Положение везде до некоторой степени выясняется. Части войск, направленные против Петрограда, присоединяются к нам. Керенский утром 25 октября выехал из Петрограда

в Гатчину, призывал войска идти на Петроград. Войска отказались. В Казани происходит сражение, то же и в Царицыне. С других мест сообщений не имеем. Ответь на вопросы о Вердеревском в Центрофлоте.

Дыбенко. Центрофлот объявить неправомочным ввиду того, что Балтийский флот лишил мандатов своих представителей, защищающих Керенского. Вердеревский под сомнением. Вопрос не обсуждался. Узнай, где Дмитриев 5-й. Требуется бригадный командир на крейсера. Из каких частей представители Балтики вошли в «Комитет спасения?» Укажи фамилии; если сейчас не знаешь, то постараися узнать. Финляндия объявлена на военном положении, ввиду того что буржуазная гвардия покушается произвести нападение на наши войска. Приняты все меры. Вместо Некрасова назначено два комиссара. Флот в возбужденном настроении и рвется в бой на баррикады. Приходится сдерживать. Комиссары временного правительства Оникко и Франкфорт устраниены. «Народная Нива» за погромный призыв закрыта. Редактор арестован. Типография реквизирована для левых эсеров по соглашению с Центробалтом.

Ховрин. О Вердеревском желательно решить вопрос в положительном смысле. Завтра предполагается его освободить. Военная коллегия сегодня, может быть, будет утверждена съездом. Кандидаты, как я и назвал. В состав морской коллегии предполагается пригласить Вердеревского и других. Можешь ли ты, не принеся ущерба делу, приехать в Петроград? Дмитриева 5-го адреса не знаю.

Дыбенко. Намечены ли окончательно кандидаты в министерства?

Ховрин. Главой правительства назначен Ленин. Об остальных пока ничего не знаю. Относительно Центрофлота вопрос наполовину решен.

Дыбенко. Относительно Вердеревского обсудим на общем собрании и дадим ответ.

Ховрин. Нельзя ли дать ответ к утру? Я буду утром на заседании Революционного комитета. Можете че послать ночь, но дайте ответ.

Дыбенко. Дадим ответ к 7 утра.

Ховрин. Можешь ли ты приехать?

Дыбенко. Могу. Когда именно приехать?

Ховрин. Я сообщу. Нет ли каких-либо вопросов?

Дыбенко. Скажи, сколько убитых и раненых у дворца?

Ховрин. Убито пять матросов и один солдат. Раненых много.

Дыбенко. Сколько с другой стороны?

Ховрин. Никого.

Дыбенко. Сдался ли женский батальон?

Ховрин. Все сдались. Каково будет решение Центробалта? Модест Иванов назначен членом морской коллегии, бригадный 2-й бригады крейсеров и контр-адмирал Лесков...

Дыбенко. После обсуждения в Центробалте дам ответ на все вопросы.

Поздно ночью сформированные новые отряды с артиллерией направляются для погрузки. К рассвету погрузка закончена, и эшелоны направляются в Петроград.

27 октября утром оставляю своим заместителем в Центробалте тов. Измайлова и выезжаю в Петроград. По пути обгоняю эшелоны с артиллерией и отрядами моряков и солдат. Настроение у всех бодрое, боевое. Все уверены в успехе.

28 октября. Рано утром поезд останавливается у Финляндского вокзала. Вокзал охраняется красногвардейцами и моряками. Мои попытки найти извозчика оказались тщетными. Прилегающие к Финляндскому вокзалу улицы пустынны. После долгих усилий, наконец, дозвонился по телефону в Центрофлот. Через полчаса в автомобиле еду в Смольный. На улицах встречаются отдельные группы вооруженных рабочих, солдат. У Смольного дежурят броневики, самокатчики, красногвардейцы, солдаты. У входа в Смольный часовые требуют пропуск. После долгих переговоров удается проникнуть в Смольный. По лестницам огромнейшего здания взад и вперед скует масса народа, все о чем-то громко разговаривают, спорят, жестикулируют. С трудом разыскиваю комнату, где помещается тов. Подвойский. Захожу к нему.

Подвойский. Вы приехали. Вот и хорошо. С вами прибыли отряды матросов? А артиллерия? Сколько? Миноносцы и броненосцы пришли? — Засыпает целым рядом вопросов.

— Позвольте, товарищ Подвойский, броненосцев мы

пока не посылали, и посылки от нас никто не требовал. Я считаю, что судов здесь в Петрограде имеется вполне достаточно. Три тысячи моряков уже прибыли и находятся в распоряжении Петроградского революционного комитета. В эшелонах еще следует до 1500 человек и две батареи. К вечеру они прибудут в Петроград.

Подвойский. Но они нужны немедленно. Наши части оставили Гатчину. Керенский двигается с войсками с фронта на Царское и Петроград. Поезжайте сейчас же в Царское, узнайте, что там делается, и немедленно сообщите.

По тону разговора с тов. Подвойским было видно, что в Смольном нервничают; незнание, где и что творится, создавало ложное представление. Не было и не чувствовалось еще полной уверенности в благоприятном для нас исходе борьбы, особенно с подходом войск с фронта во главе с Керенским. Сколько именно прибыло с фронта войск и какие, — никто не знал.

Быстро закончив разговор с Подвойским, ухожу от него, чтобы отправиться в Царское. На лестнице Смольного встречаю Антонова-Овсеенко. Кратко обмениваемся несколькими словами, узнаю, что он едет на Пулковский участок. Решаем ехать пока что вместе. С большим трудом находим автомобиль.

При посадке в автомобиль двое в штатском назойливо настаивают взять их с собой. По виду оба — журналисты. Как впоследствии оказалось, один из них был Джон Рид, который написал знаменитую книгу «Десять дней, которые потрясли мир». Другому, бывшему с Джоном Ридом, Антонов-Овсеенко разрешил ехать вместе.

Только когда я сел в автомобиль, проведенные бесконечные ночи, их нервная напряженная обстановка и усталость дали себя чувствовать. Наряду с усталостью, давал себя чувствовать и голод. С момента отъезда из Гельсингфорса до 15 часов следующего дня во рту не было даже капли воды. Обращаюсь с просьбой к Антонову — по дороге остановить автомобиль и купить что-либо поесть. К сожалению, ни у него, ни у меня не оказалось денег. Ехавший с нами незнакомец оказал услугу. Он оказался богаче нас и за свой счет купил колбасы и хлеба.

При выезде за город, к нашему несчастью, сломался автомобиль. Какая неудача! Вылезши из поломанного

автомобиля, мы стояли беспомощными и соображали, как двигаться дальше. Мимо нас проследовала саперная рота под командованием товарища Бакланова. Мы пытались найти телефон, дозвониться в Смольный, вызвать другой. Наши попытки оказались тщетными.

Вдруг, неожиданно для нас, с противоположной стороны мчится чей-то автомобиль. При подходе автомобиля к месту крушения нашего — останавливаем его. В автомобиле довольно упитанный, в роскошной шубе штатский господин. Спрашиваю:

— Вы разрешите в вашем автомобиле доехать до Царского по срочным делам? Я запишу ваш адрес и по миновании надобности автомобиль возвращу. Через несколько минут будет исправлен наш автомобиль, и вы доедете в нем.

Пассажир. Позвольте, я — итальянский консул, пользуюсь правом неприкосновенности.

— Что же, дело революционное, спешное: вам всё же придется выйти из автомобиля.

Несколько поморщившись, с явной злобой, господин медленно вытрясается из автомобиля. Едем дальше. По дороге в Царское тянетесь нескончаемая вереница туда и обратно отдельных групп вооруженных рабочих — за рождающаяся новая Красная гвардия — и отдельные группы солдат. Среди всей вереницы вооруженных не видно щеголевато одетых, выхоленных офицеров. Кто среди них командир? Вряд ли кто сумел бы сразу ответить на этот вопрос. Они руководствовались сознанием своего долга — вооружаться и вести беспощадную вооруженную борьбу со своими вековыми врагами — с контрреволюцией.

Шедшие взад и вперед отдельные вооруженные отряды не представляли ничего хоть сколько-нибудь походного на правильно организованные войсковые части. Невольно закрадывалась мысль: неужели нет здесь, вблизи фронта, никакого управления, порядка? Как видно, все объяты желанием быть участниками этой развертывающейся гигантской борьбы. Но кто приказывает? Кто управляет ими? Кто отдает распоряжения — где и кому быть и что делать?

Спешим в Пулково — туда, где, кажется, сразу будет раскрыта вся картина и где можно будет принять решение и указать, что делать.

Взяв подъем, мы въехали в улицу, набитую вооруженными людьми. Серые, низко плывшие над землей тучи полумраком окутывали эту вооруженную толпу. Сотни вооруженных, стоявших опершись на винтовку, воткнув штык в землю или прислонившись к забору дома, с появлением автомобиля ожили, встрепенулись. Их взоры устремились в сторону автомобиля. На лицах вопрос: что делать? куда идти? какие будут приказания?

Автомобиль остановился возле группы вооруженных. Спрашиваю:

— Что это?

Сразу, как бы недоумевающее, отвечает несколько голосов:

— Пулково.

— Где штаб? Кто вами командует и где ваши командиры?

Говорят:

— В конце улицы, по правой стороне, расположен штаб. Командиров у нас нет, но мы выбрали старшего.

Медленно двигаемся по направлению, где должен находиться штаб.

Тишина ничем не нарушалась. Не было слышно ни одного выстрела. Но почему? Может быть, всё кончено? Может быть, царскосельские полки сдались и перешли на сторону Керенского?

Подсевший на автомобиль красногвардеец, чтобы указать расположение штаба, как бы в ответ заявляет:

— Керенский занял Царское, и мы отступили в Пулково, а теперь не знаем, что делать. Нужно ли оставаться здесь или идти в Петроград? Распоряжений мы ни откуда не получаем.

На краю Пулкова, в небольшой избе, расположен «штаб». В то время этот «штаб» действительно казался штабом, в действительности же этот штаб состоял из бывшего полковника Вальдена, растерянно и беспомощно разводившего руками, упорно смотревшего на карту и недоуменно бормочавшего:

— Разрешите доложить: у нас никого не осталось. Все разбегаются и на ночь уходят по домам. Гвардейские полки без сопротивления отступают от Царского. Есть сведения, что часть их сдалась и перешла на сторону Керенского. Задержать уходящих нет возможности.

В дополнение к этому сообщению в «штаб» входит.

в военной форме, вооруженный револьвером и шашкой, бывший офицер и докладывает:

— Царское занято Керенским. В Царское прибыло множество казаков с артиллерией и бронепоездом. Части разбегаются, и Пулково остается беззащитным. Необходимо задержать бегущих, привести их в порядок и установить хотя бы на ночь охранение и наблюдение за Царским, пока не подойдут регулярные части.

Беспомощность «штаба», его растерянность и полное непонимание, что в сущности творится кругом, вселяли тревогу. Этот несколько раз раненный в империалистическую войну полковник Вальден, имеющий боевые заслуги, очутившись, вероятно, помимо своей воли, в обстановке гражданской войны, совершенно растерялся и не знал, что делать с этими вооруженными толпами рабочих и солдат. Он привык и знал, как командовать ротой, может быть — батальоном и полком, он знал, как организовать оборону на участке своей части, при наличии всех средств, нужных для обороны, и в первую очередь — при наличии средств связи, регулярных донесений о движении, намерениях и силах противника, с учетом собственных сил, стоящих под ружьем, — но он совершенно не понимал, что можно делать с этими вооруженными рабочими и солдатами, которые не имели командиров, не умели писать по-военному донесения. Как можно эту неорганизованную, но вооруженную толпу превратить в грозную силу, способную с величайшим энтузиазмом драться и умирать до последнего?

Выслушав доклад полковника Вальдена и его адъютанта, выходим из избы, чтобы взять в свои руки эту вооруженную, по мнению адъютанта, бегущую массу, задержать и организовать оборону Пулкова.

Ровно через несколько секунд по выходе из избы со стороны Царского начался обстрел Пулкова артиллерией. Один из первых разорвавшихся в Пулкове снарядов разрушает наполовину избу, где лишь несколько минут тому назад помещался «штаб». Обстрел Пулкова действительно вселяет панику среди скопившихся на улице красногвардейцев. Уходившие от Царского отдельные группы солдат старались, не задерживаясь, проколзнут в Петроград. Они рассказывали, что Керенский, заняв Царское, предъявил им ultimatum — сдать оружие. — но, получив отрицательный ответ, открыл по

их казармам артиллерийский огонь, разрушил казармы и многих захватил в плен. Полк понес значительные потери. Царское наводнено казаками, которые жестоко расправляются с большевиками и им сочувствующими.

С трудом удается задержать всех стремящихся уйти, разбить по группам, назначить старших в группах и добиться, чтобы они самовольно, без приказания «штаба», не оставляли позиций. Красногвардейцы, оставаясь в Пулкове, засыпают вопросами:

— Что же матросы? Скоро ли придут на помощь?

Стараюсь уверить, что матросы движутся на фронт, что с ними следует артиллерия. Окрыленные надеждой скорого подхода матросов к фронту, красногвардейцы постепенно, по распоряжению полковника Вальдена, стали занимать позиции на Пулковских высотах.

Антонов-Овсеенко остается еще в Пулкове, чтобы руководить организацией его обороны, я же возвращаюсь в Петроград для доклада тов. Подвойскому.

Вечерние сумерки опустились над землей. Вдали, среди ночной мглы, мерцали огоньки Петрограда. Не было внешних признаков начавшейся во всех уголках необъятной России жестокой гражданской войны. Смолкли орудийные выстрелы, еще несколько минут тому назад доносившиеся от Царского, удваивавшиеся разрывами над Пулковом. Кругом царила тишина. Только изредка автомобиль, освещая своими фонарями дорогу, обгонял отдельных вооруженных, которые медленно плелись в Петроград. Но это было затишье перед бурей, перед жестокой вооруженной схваткой рабочих и революционных солдат с силами контрреволюции.

Возможно ли без боя теперь сдать то, что нами уже захвачено? Разве флот не повторял изо дня в день: вся власть Советам? Долой всякие компромиссы! Разве мы, посланные флотом в Петроград на борьбу с контрреволюцией, не дали клятвы вернуться на корабли только тогда, когда власть Советов будет закреплена, когда контрреволюция будет раздавлена? А там, в зале заседания II съезда Советов, — разве не идет самая жестокая, беспощадная борьба тех, кто идет вместе с рабочими, с бедняками-крестьянами и солдатами против обанкротившейся лжедемократии, предавшей в течение семи месяцев интересы рабочих, крестьян и солдат, —

против буржуазии, против тех, кто требовал войны до победного конца, кто не решался отобрать землю от помещиков и передать ее крестьянам, а фабрики и заводы рабочим и, предложив немедленно приступить к заключению перемирия, приостановить эту кровопролитную бойню? Разве там в этиочные сумерки — застилье? Нет. Там идет самая жестокая борьба с контрреволюцией, распыленной теперь по всему Петрограду, проникающей в рабочие, солдатские и матросские массы, стремясь «образумить» их, дезорганизовать их сплоченные ряды и повернуть великую пролетарскую революцию вспять. Борьба только начинается. Первые победы должны всех окрылить, сплотить, организовать, чтобы с корнем вырвать и уничтожить контрреволюцию. Спешу скорее доложить, что творится на фронте, и двинуть на помощь красногвардейские матросские отряды.

У заставы красногвардейский патруль останавливает автомобиль. Проверив пропуск и сказав «можно», снова облепили разожженный на улице костер.

Значит, Петроград не беззащитный. Выходы и входы в него охраняются верными часовыми. По дороге к Смольному красногвардейские патрули неоднократно останавливали автомобиль и проверяли пропуск. Наконец, опять в кабинете тов. Подвойского.

Докладываю. Он снова засыпает меня вопросами, делает сразу несколько распоряжений и предлагает немедленно взять артиллерию с Путиловского завода.

— Помилуйте, товарищ Подвойский, ведь я один; есть ли там люди, и найдется ли конский состав, амуниция, чтобы взять артиллерию? Есть ли там прислуга для артиллерии?

Подвойский, как бы не слыша моих возражений, отвечает:

— Погрузите артиллерию на платформы, а из рабочих там же сформируйте прислугу.

Выйдя из кабинета тов. Подвойского, встречаю в соседней комнате Владимира Ильича. Он спокоен. На лице никогда не покидающая его ленинская улыбка.

Увидев меня, спрашивает:

— Ну что, как дела на фронте?

Сообщаю о задании и заявляю:

— Я еду в Морской революционный комитет и

сейчас двину матросские отряды, которые должны сегодня же прибыть из Гельсингфорса; в противном случае — Керенский может быть в Петрограде.

Владимир Ильич безмолвным кивком головы одобряет мое предложение.

Ухожу. В течение ночи удается два отряда моряков двинуть к Пулкову. Прибывшая из Финляндии артиллерия, выгрузившись, к ночи 29 октября прибывает в Пулково.

Весь день 30-го войска Керенского после занятия Царского оставались пассивными и тем самым дали возможность Военно-революционному комитету не только под Пулковом, но и под Красным, под Колпином сгруппировать отряды моряков и пехотные части.

31 октября. Захват Керенским царскосельской радиостанции дал ему возможность распространить целый ряд воззваний и приказов, призывающих войска «одуматься» и присоединиться к войскам, верным Временному правительству, для борьбы «с предателями-изменниками» — большевиками. Кипы погромного характера воззваний к населению Петрограда и войскам, выпущенные за последние дни «Комитетом спасения родины и революции», появились и в Пулковском отряде. Моряки с злобным хохотом и ненавистью уничтожали эти воззвания, сопровождая уничтожение руганью. Зато воззвания и приказы Военно-революционного комитета не только читались, но служили моральным ободрением, вселяя веру в окончательную победу над контрреволюцией.

Боевое настроение Пулковского отряда было на высоте. С прибытием артиллерии на фронт моряки требовали немедленного перехода в наступление. Их требование усиливалось еще тем, что в связи с наступающими холодами моряки чувствовали себя недостаточно тепло одетыми; все моряки прибыли в ботинках и не имели теплого обмундирования. Они просто заявляли:

— Какого чёрта стоять на месте, на позициях, — поскорее всадить штык в спину Керенского, и дело с концом. Тогда можно и на корабли.

Им казалось, что с разгромом Керенского будет покончено со всей контрреволюцией.

В 9 часов войска Керенского возобновили обстрел

Пулкова. После артиллерийской подготовки казаки перешли в наступление, пытаясь в конном строю атаковать защитников Пулкова. Первая атака казаков была отражена ружейным и пулеметным огнем. На месте боя осталось несколько убитых и раненых казаков. Через час казаки, при поддержке незначительной части пехоты и артиллерийского огня с батареи и бронепоезда, перешли вторично в наступление. Бой продолжался около часа. Вторая атака разбилась о стойкость моряков. Казаки на сей раз понесли более значительные потери. Моряки, ободренные первыми успехами, бросились преследовать отступающих и одновременно атаковали бронепоезд, стараясь отрезать его.

Отступающие войска Керенского не оказали никакого сопротивления и поспешно отошли по направлению к Гатчине. Мы заняли Царское.

В 11 часов вечера в Царское из Гатчины, без ведома Керенского и Краснова, прибыла делегация от казаков в числе трех человек (один офицер и два казака) с предложением вступить с ними в переговоры. Офицер заявил, что если мы теперь же решим вести наступление, то казаки и юнкера окажут упорное сопротивление; кроме того, к Гатчине ожидается подход батальона ударников.

Терять время было нельзя. Не ставя в известность Смольный и невзирая на протест моряков против того, чтобы я поехал один, решаю выехать для переговоров в Гатчину. Выезжаю с делегацией в 1 час ночи, взяв с собой одного лишь матроса Трушина.

Г а т ч и н а

В час ночи 1 ноября, в санитарном автомобиле, по грязной дороге, без освещения, пробираемся к Гатчине. По пути ехавшие со мной офицер и два казака заявили, что они — против гражданской войны, что их ввели в заблуждение, рассказывая о жестокостях и зверствах большевиков, о том, что большевиками руководят немецкие шпионы Ленин и Троцкий и что они хотят продать Россию немецкому кайзеру. Их убеждали, что весь гарнизон Петрограда и население ждет их, казаков, как избавителей от нашествия большевиков. Но теперь они, лично побывав в Царском после занятия его

большевиками, убедились, что здесь не шпионы немецкие, а матросы, солдаты и рабочие. Они просили выступить на митинге перед всеми казаками, разъяснить им, что такое Советская власть, кто именно избран министрами и какая участь ждет казаков.

По пути к Гатчине как будто из-под земли вырастают одна за другой казачьи заставы. После переговоров с казачьим офицером пропускают, удивленно посматривая, почему вместе с казаками едут матросы. Около трех с половиной часов ночи подъезжаем к Гатчинскому дворцу. Прилегающая площадь слабо освещена. Автомобиль останавливается у ворот дворца. Выхожу из автомобиля.

Навстречу выходит дежурный офицер и, обращаясь ко мне, спрашивает:

— Вы кто?

В эту минуту невольно мелькает мысль: предательство. Вместо переговоров с казаками — ловушка. Отвечаю:

— Я прибыл для переговоров с казаками.

Дежурный офицер:

— Я вынужден вас арестовать. Сдайте ваше оружие.

— Оружие мое — револьвер. Его я не сдам. Если вы посылали делегацию для того, чтобы захватить одного из нас, как заложника, то этим вы не достигнете цели. Знайте, мой арест вам дорого обойдется.

Мой единственный спутник, матрос Трушин, выхватив револьвер, направил его на дежурного офицера. Он готов был дорого продать нашу жизнь.

В этот момент группа казаков, постепенно окружавшая нас и следившая за разговором, потребовала от дежурного офицера немедленно освободить меня. Дежурный офицер упорствовал, заявляя:

— Я должен арестовать и доложить генералу Краснову. Что он прикажет, то и будет сделано.

Казаки стали между мною и дежурным офицером, заявляя:

— Пусть большевики сами расскажут нам обо всем. Мы хотим знать, что делается в Петрограде.

Тут же предложили следовать в казармы. Почувствовав себя как будто бы на воле, я обращаюсь к казакам с вопросом:

— Керенский здесь?

— Да.

— Я требую, чтобы немедленно был приставлен к нему надлежащий караул. В случае его побега — вы отвечаете.

Казачий офицер, приезжавший в числе делегатов в Царское, остался у дворца с целью усилить караул, охранявший Керенского. Как бы под конвоем казаков и охраной матроса Трушина, прихожу в казачьи казармы. Полумрак. Казармы переполнены только что проснувшимися казаками. Неряшливо одетые в шинели, со сбитой на затылок папахой, с растрепанными длинными чубами и неумытыми лицами, казаки казались усталыми, разбитыми, безразличными. Многие, свесив головы, рассматривали на нас со второго яруса нар. Среди казаков вперемешку — офицеры и юнкера, злобным взглядом осматривавшие с ног до головы пришельцев-матросов. Взобравшись на нары, говорю им о систематическом предательстве Временного правительства, начиная с первых дней февральской революции и до последнего дня, когда Керенский вместе с русской и иностранной буржуазией пытался сдать немцам Петроград, чтобы задушить революцию; что Временное правительство, так же как и царское, не стремится добиться мира и прекратить братоубийственную войну, спасти от разорения страну и передать землю крестьянам, а продолжает начатую царем войну, гонит на фронт всё новые и новые десятки и сотни тысяч молодых солдат, не обеспечивая их ни вооружением, ни обмундированием, ни продовольствием, что наступающая зима грозит катастрофой на фронте.

И, наоборот, Советская власть ставит перед собой задачу — немедленно добиться справедливого мира для всех, прекращения войны, передачи земли крестьянам, установления контроля над производством, отмены смертной казни на фронте. Советским правительством, избранным на Всероссийском съезде Советов, и самим съездом Советов по всем этим вопросам изданы декреты. Предательское Временное правительство низложено. Весь гарнизон Петрограда, Балтийский флот, рабочие и целый ряд армий и городов поддерживают новое Советское правительство. Армии посыпают на поддержку Советского правительства войска с фронта, и в первую очередь двинуты полки 12-й армии. Попытка Керенского снова захватить власть бессмысленна и давно обречена на

неудачу. Его поход вызывает лишь лишние жертвы со стороны казаков. Керенский снова пытается вас, казаков, превратить в жандармов и тем самым возбудить против вас всеобщую народную ненависть и преследование.

Злобно выкрикивают офицеры и юнкера:

— А немецкие шпионы в вашем правительстве — Ленин и Троцкий? Станичники, не верьте им. Это предатели и изменники России.

Вся казачья масса поворачивает свои головы в сторону выкрикивающих офицеров и юнкеров. Они смутно или почти ничего не понимают, что такое Советская власть, и еще чутко прислушиваются к голосу своего властелина — офицера. Для них еще до сих пор офицер в золотых погонах — грозная власть, заставляющая покорно выполнять свою волю. Минутами казалось, что злобно рычащее офицерство подаст команду:

— Гнать их, немецких шпионов! Бей их!

В ответ офицерам заявляю:

— Не немецкие шпионы взяли власть в свои руки, а рабочие, крестьяне, солдаты и матросы, такие же, как и вы, труженики-казаки. Флот первый доказал свою преданность революции и готовность к защите страны в монзундских боях, где в борьбе с немцами он дрался до последней капли крови; он же первый выступил и на защиту Советской власти.

Этот пример еще более убедительно подействовал на казаков; украдкой посматривая на офицеров, негромко заявляют:

— Правильно. Матrosы — наши братья, мы с ними пойдем.

Через час-полтора казармы уже не вмещают собравшихся казаков, офицеров и юнкеров. Митинг затягивается. Офицерство более решительно выступает против, требуя, чтобы выгнали нас из казарм. Наконец, к 8 часам утра удается убедить казаков прекратить гражданскую войну и арестовать Керенского. Казаки согласны арестовать Керенского, но требуют сперва согласовать арест Керенского с казачьим комитетом.

Изнемогая от усталости, задыхаясь в непроницаемом табачном дыму, которым окутаны были во всё время митинга казармы, еле держась на ногах, вылезаю на площадь. Пахнувший утренний холодок освежил, вдохнул новые силы. Ведь еще не всё сделано. Они еще не при-

мкнули твердо к Советской власти, они еще покорны своим офицерам, и что скажут они, когда перед ними выступит тот же грозный для них генерал Краснов, который не будет митинговать, а будет приказывать? Какой оборот примет дело, когда перед ними выступит Керенский как верховный командующий? На этой обширной дворцовой площади, освещенной восходящими лучами солнца и окруженней тысячами казаков и юнкеров, я чувствовал себя заложником. Следовавший позади матрос Трушин, держа всё время в руках револьвер, говорит:

— Как бы арестовать Керенского? Тогда казаки сдаются.

Но до ареста еще далеко. Мысль неизменно вращается вокруг одного вопроса: что сейчас предпримут Краснов и Керенский? Как видно, в ожидании подхода с фронта батальонов ударников Керенский спал последнюю ночь в чине верховного командующего и председателя министров под охраной ненадежных казаков. Низложенный правитель доживал свои последние часы...

Около 10 часов прилегающая ко дворцу площадь зачитана казаками и юнкерами. Наконец собирается казачий комитет, почти целиком состоящий из офицеров и юнкеров. Выйдя из зала дворца, обращаюсь снова к казакам:

— Позвольте, ведь у вас офицерский комитет, а не казачий. Где же казаки в вашем комитете?

Последняя надежда: как на это будут реагировать казаки?

Из глубины казачьей массы несется более дружный возглас:

— Правильно!

На этот раз офицерство не рассчитало: оно в полном составе собралось в зале заседания комитета, предоставив решить этот вопрос самим казакам.

Перед дворцом в течение получаса происходят перевыборы комитета. Казаки просто избирали своих представителей: не голосуя, выкрикивали фамилии и тут же посыпали в комитет.

Долго убеждаю новый комитет в необходимости немедленного ареста Керенского, заявляя, что 12-й час на исходе, что я отпущен моряками до определенного срока, после чего моряки начнут обстрел Гатчины и перейдут в наступление. Керенский, вероятно разбуженный шумом возле самого дворца, помещался всего через одну

комнату от зала заседания комитета (во всё время моих переговоров с комитетом адъютант Керенского, приоткрыв дверь в зал заседания, подслушивал).

Что же делалось в это время в штабе 3-го Конного корпуса генерала Краснова и низложенного правителя Керенского? В брошюре «Гатчина» Керенский эти моменты описывает так:

«Около 10 часов утра меня внезапно будят. Совершенно неожиданное известие: казаки-парламентеры вернулись с матросской делегацией во главе с Дыбенко. Основное условие матросов — безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей. Казаки готовы принять это условие».

Получив такое сообщение, Керенский немедленно вызвал к себе генерала Краснова, чтобы выяснить, согласны ли на его арест сам Краснов и офицеры 3-го Конного корпуса. Генерал Краснов описывает в своих письменных показаниях последнее свидание с Керенским следующим образом:

«Около 15 часов (на самом деле — около 11½ часов, как это и было доложено мне матросом Трушиным) 1 ноября меня потребовал верховный главнокомандующий (Керенский). Он был очень взъярен и нервен.

— Генерал, — сказал он, — вы меня предали... Тут ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут матросам...

— Да, — отвечал я, — разговоры об этом идут, и я знаю, что сочувствия к вам нигде нет.

— Но и офицеры говорят то же.

— Да, офицеры особенно недовольны вами.

— Что же мне делать? Приходится покончить с собой.

— Если вы — честный человек, вы поедете сейчас в Петроград с белым флагом и явитесь в Революционный комитет, где переговорите, как глава правительства.

— Да, я это сделаю, генерал.

— Я дам вам охрану и попрошу, чтобы с вами поехал матрос.

— Нет, только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко?

— Я не знаю, кто такой Дыбенко.

— Это — мой враг.

— Ну что же делать? Раз ведете большую игру, то надо и ответ дать.

— Да, только я уеду ночью.

— Зачем? Это будет бегство. Поезжайте спокойно и открыто, чтобы все видели, что вы не бежите.

— Да, хорошо. Только дайте мне конвой надежный.

— Хорошо.

Я пошел вызвать казака 10-го Донского казачьего полка Руссакова и приказал назначить 8 казаков для охраны верховного главнокомандующего.

Через полчаса пришли казаки и сказали, что Керенского нет, что он бежал. Я поднял тревогу и приказал его отыскать, полагая, что он не мог бежать из Гатчины и скрывается где-либо здесь же».

В то время, когда Керенский вел переговоры с генералом Красновым, мне еще долго пришлось убеждать комитет, чтобы дали согласие арестовать Керенского.¹

Около 12^{1/2} часов, наконец, мне удается склонить комитет арестовать Керенского. Вопрос ставится на голосование. В это время входит в зал дежурный офицер и читает телеграмму: «Из Луги отправлено 12 эшелонов ударников. К вечеру прибудут в Гатчину. Савинков».

Телеграмма вызвала среди казаков замешательство, нерешительность. Настроение стало колебаться. Мне предъявили контртребование: подписать договор, в котором казаки отказываются от вооруженной борьбы с нами, чтобы их пропустили на Дон и Кубань с оружием в руках и чтобы в правительстве не было ни Ленина, ни Троцкого...

Нужно, с одной стороны, выиграть время до подхода отряда моряков, чтобы Гатчину захватить врасплох, с другой — без промедления, до прибытия ударников, арестовать Керенского. Однаково старался выиграть время, очевидно, и Краснов до подхода ударников. Для достижения своей цели, совершая «стратегический ход»,

¹ Керенский в своей брошюре «Гатчина» пишет, что в это время, т. е. в 10 часов утра 1 ноября, дворец был наводнен казаками и матросами и возле его комнаты стоял смешанный караул также из казаков и матросов. На самом деле до 17 часов со мной был единственный матрос — Трушин. (*Примеч. автора.*)

я решаюсь подписать договор. Не казаки избирали Ленина и Троцкого, — не они и будут их отстранять.

Договор подписан. Выносится единогласное постановление об аресте Керенского. Цель достигнута. Между тем Керенский, следивший за ходом переговоров, не нашел мужества в последний момент появиться среди казаков и заявить, что он готов погибнуть на своем посту, но не согласен с заключением позорного для казаков договора. Переодевшись, он позорно бежал, покидая введенных им в заблуждение казаков. Матрос Трушин, всё время следивший за Керенским, поспешил сообщить:

— Керенский, переодевшись, прошел через двор. Пусть! Его бегство есть его политическая смерть.

Казаки, направившиеся арестовать Керенского, вернулись и доложили, что Керенский бежал. Возмущение бегством Керенского было громадно; казаки и юнкера тут же послали телеграмму:

«Всем, всем. Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать, как труса и предателя.

Казачий совет 3-го корпуса».

К моменту отправки телеграммы к казачьим заставам подходили Финляндский полк и отряд моряков. Заводы сообщили об их приближении. Мною было отдано распоряжение немедленно пропустить. В этот момент в зал вбежал весь запыхавшийся Войтинский. Он потрясал телеграммами, полученными от Савинкова и из ставки, где сообщалось о приближении ударников. Всегда пытаясь повернуть настроение казаков, он убеждал их, что Керенский не бежал, что он выехал навстречу подходящим войскам. Но доверие к ставленникам Керенского уже было подорвано. В ответ на речь Войтинского тут же его арестовали (позднее Войтинский бежал при помощи юнкеров).

Вскоре после того в Гатчину вступили Финляндский полк и отряд моряков, а через два часа юнкера и казаки были обезоружены. Оставался еще генерал Краснов, — надо было и его арестовать. В 6 $\frac{1}{2}$ часов вечера, вместе с командиром Финляндского полка, мы вошли в кабинет Краснова. При нашем появлении высокий, седеющий,

красивый, со строгим и спокойным выражением глаз, генерал Краснов поднялся нам навстречу.

— Генерал Краснов, именем Совета Народных Комиссаров вы и ваш адъютант арестованы.

Краснов. Вы меня расстреляете?

— Нет. Мы вас немедленно отправим в Петроград.

Краснов. Слушаюсь.

Тут же были арестованы и два адъютанта Керенского. Арестованный генерал Краснов в автомобиле был отправлен в Смольный.

В эту же ночь напившиеся пьяными несколько казачьих офицеров пытались поднять восстание среди казаков и юнкеров, но были тут же расстреляны.

На следующий день были получены сведения, что к Гатчине приближаются эшелоны с ударниками. Для защиты Гатчины налицо имелось не более 500 матросов и двух батальонов Финляндского полка. Гатчинский военный совет решил выслать навстречу ударникам делегацию, предложив им сдаться.

Ночь прошла в тревоге. Несколько раз из застав доносили, что ударники приближаются. В 8 часов утра 3 ноября ударники в эшелонах подошли к Гатчине на расстояние пяти верст. Еду для переговоров. Тов. Сиверс с незначительным отрядом моряков занимает впереди Гатчины позиции и выставляет одну батарею. В Гатчине оставались два батальона Финляндского полка, охранявшие обезоруженных казаков и юнкеров. Условный сигнал, установленный тов. Сиверсом для открытия артогня по эшелонам, — три револьверных выстрела.

Наскоро перед тем сформировали длинный порожний эшелон. С ним приближаюсь к эшелонам ударников. На нашем паровозе несколько матросов с пулеметами. Не доходя версты до ударников, останавливаю эшелон и иду к ударникам. Тут же предлагаю им сдаться. В противном случае немедленно откроем артогонь по их эшелонам. Ударники, числом около трех тысяч, колеблются. После кратких переговоров переходят на нашу сторону. Лишь незначительная группа офицеров, отстреливаясь, пытается бежать. Самы ударники рассеиваются ее пулеметным огнем. Ударники мирно вступают в Гатчину. Для ознакомления с событиями они посыпают свою делегацию в Петроград к Владимиру Ильичу.

Так безвозвратно рухнула попытка Керенского

вырвать власть из рук Советов. Как тающая политическая тень, он быстро исчезал с арены борьбы. Но, уходя, он через эсеровскую газету поспешил сообщить о своем спасении от мести своего «злейшего врага — Дыбенко». Однако это не было спасением, а лишь надгробной тризной над политическим мертвецом. Так бесславно закончил Керенский свой недолгий исторический путь.

Мертвецы исчезали, а Октябрьская революцияширилась и крепла с каждым днем.

Ярко освещенный Гатчинский дворец утопал в непроницаемой мгле осенней ночи. На дворе было сыро и холодно. Жизнь кругом после только что пролетевшего шквала вдруг точно замерла. Мерцающий свет электрических лампочек слабо освещает отдаленные улицы. Кругом — ни души. Только патрули нарушают тишину своими мерными шагами и негромким говором. Хочется как можно скорее юркнуть в теплое помещение, укрыться от пронизывающей сырости, дать отдых натянутым нервам и уставшему телу. Вот уже несколько ночей подряд не приходилось спать. Все жили напряженно, нервами. Зато теперь, когда нет непосредственной опасности, вдруг чувствуешь невыносимую усталость. Ноги отказываются передвигаться. Медленно поднимаюсь во второй этаж — в помещение штаба. Коридоры дворца переполнены спящими красногвардейцами и матросами. Измученные бессонными ночами, переходами и предшествовавшими боями, они спят богатырским сном, почивая на лаврах своих первых побед.

Добираюсь до комнаты, где помещается штаб, грузно опускаюсь на стул. Тов. Сиверс, не отрываясь, продолжает писать приказ. В комнату входит тов. Арутюнянц, только что вернувшийся из Петрограда. Он спешно, ликующе передает все новости: о подавлении юнкерского восстания в Петрограде, о перевороте в Москве и других городах. Хочу слушать его рассказы, но отяжелевшие веки не слушаются, — быстро засыпаю, сидя в кресле...

Уже высоко поднявшееся солнце своими лучами золотило только что выпавший первый снег, когда меня разбудили. Тут же на диване спал тов. Сиверс, а рядом в кресле тов. Арутюнянц. Будят их. Комендант докладывает:

— На площади все построены, прибыл кинематографщик. Ждем вас.

— А сколько времени?

— 11 часов.

— Фу ты чёрт, как здорово заспались! Сейчас идем

На площади против Гатчинского дворца выстроены красногвардейцы, матросы, а позади них казаки 3-го корпуса и ударники. Сегодня для кинематографа будет инсценировка взятия Царского и Гатчины. Красногвардейцы и матросы с радостными лицами пускают остроты:

— Чёрт возьми, на кинематограф попадаем, да еще и в историю.

Около аппарата хлопотливо, с озабоченным лицом, суетится маленький, растрепанный человек, виновато повторяя:

— Две минутки, две минутки, и всё будет готово. Вот еще минутку! Можно начинать.

Красная гвардия дефилирует. Кто-то из матросов, задорно смеясь, вскрикивает:

— Товарищ Сиверс! Пусть казаки и ударники удирают, а мы будем преследовать. А кто же будет за Керенского, в женском платье? Жаль, что удрал, вот теперь бы как раз пригодился.

Вчера хмурые, с суровыми, озабоченными и напряженными лицами, герои Октябрьского переворота сегодня по-детски смеются. На их лицах ни капли жестокости или мести к своим врагам. Если бы сейчас появился Керенский, они стали бы с любопытством его рассматривать; им просто захотелось бы его даже пощупать, понять, что это был за человек, который с первых дней февральской революции был у власти и до последнего момента не хотел передать ее рабочим, крестьянам, солдатам и матросам...

Инсценировка закончена, и красногвардейцы расходятся по казармам. Как-то не хочется верить, что еще во многих городах и на фронте идет борьба, льется кровь тех, кто настойчиво добивается власти Советов, кто через Советы хочет достичь мира, жаждет устройства новой жизни. Воображение рисует этот новый мир, новую социалистическую Россию...

Направляемся в штаб. Навстречу быстрой походкой приближается дежурный по комендатуре:

— Здесь в Гатчине остались великие князья. Как с ними быть? Около их дома выставлен караул, чтобы никто самовольно туда не заходил.

— Кто из князей?

— Точно не знаю, но, кажется, Кирилл Владимирович и его жена.

Едем к ним, чтобы под охраной отправить в Смольный.

У входа в небольшой домик стоят часовые. Это они, вооруженные рабочие, охраняют бывших князей и не думают им мстить. Часовые, проверив пропуск, впускают в дом. Входим в гостиную. Навстречу нам из-за портьеры выходит высокий, худощавый, несколько сгорбленный мужчина; на лице — волнение; его жена, с красивыми, умными глазами, внимательно рассматривает вошедших.

— Вы будете князь?

Отвечает его жена:

— Да, а я его супруга. Вы нас арестуете и тут же будете судить? Но ведь мы никогда не были солидарны с прежним царским режимом. Сейчас мы плохо разбираемся в происходящих событиях, но думаем, что для России это будет полезно. Россия вздохнет и возродится.

Она на секунду останавливается, как будто желая прочесть на лицах присутствующих, что ждет ее и мужа, и снова спрашивает:

— Что же вы теперь будете делать с нами?

— Сейчас мы вас не можем оставить здесь. Мы обязаны отправить вас в Петроград в распоряжение правительства. А дальше куда вас направят, — мы не знаем.

— Вы нас отправите в Петроград пешком, под конвоем, как арестованных?

— Нет. Сейчас прибудет автомобиль, и тогда вас отправим в Петроград.

— Вы разрешите нам взять продукты из своих запасов и необходимые вещи, а дом оставить на прислугу?

— Всё, что вам необходимо, можете взять.

Через полчаса они были отправлены в Смольный в распоряжение правительства. Возвращаясь в штаб, передаю тов. Сиверсу, что я намерен сегодня же выехать в Петроград. Делать здесь больше нечего.

Через три часа покидаю Гатчину и расстаюсь с тов. Сиверсом. Больше так и не пришлось нам встретиться. Этот товарищ, с большими умными глазами, обладавший колоссальной силой воли, мужеством и спокойствием,

продолжал борьбу на многих фронтах против врагов трудового народа. Это был любимец красногвардейцев, впоследствии — красноармейцев. Он доблестно погиб на Донском фронте в сражениях против того же Краснова. Это один из тех, кто был творцом Октября и кто сложил свою голову в стойкой борьбе за раскрепощение трудящихся...

Петроград в вечерней мгле, окутанный серым туманом, казался пустынным и мертвым. Вот уже больше недели, как в городе Советская власть. Но на улицах, несмотря на ранний час (9 часов вечера), тишина. Жизнь замерла. Только изредка пробегают автомобили, встречаются патрули и отдельные часовые греются у разложенных на улицах костров, останавливая автомобиль и проверяя пропуск.

Еще несколько дней назад в городе все кипело, как на вулкане. Безостановочно, днем и ночью, проходили войска, отдельные отряды, мчались броневые автомобили. Улицы были переполнены народом. Все ждали исхода борьбы. Теперь как будто все переутомлены, устали и еще с вечера спешат укрыться в квартиры.

Прокакиваю Невский, подъезжаю к Адмиралтейству. Здесь, в ярко освещенном зале, идет собрание Центрофлота; состав — почти исключительно матросы. Очутившись у власти, они, невзирая на усталость, на свою неподготовленность управлять государственной машиной, силятся превозмочь все трудности, наладить аппарат, наметить программу работы. Воодушевленные идеей, они не боятся бурь на своем пути. Это они свалили контрреволюцию, они же и построят новую жизнь. Уверенно они берутся за дело, не давая разрушиться аппарату и приостановиться той жизни, которая до сих пор была ключом во флоте.

Далеко за полночь длится заседание. Работа распределена; завтра, с раннего утра, каждый вступит в исполнение своих обязанностей.

